

Художники и архивисты.

Опыт издания собственного архива

Музей Метрополитен Черкашиных
Валера и Наташа Черкашины



Ночь с пионервожатой

Акции, хэппенинги, арт-перформансы и идеи

**Книга 1: Ночь с пионервожатой.
Хэппенинги, акции, перформансы.
1962 - 2016**

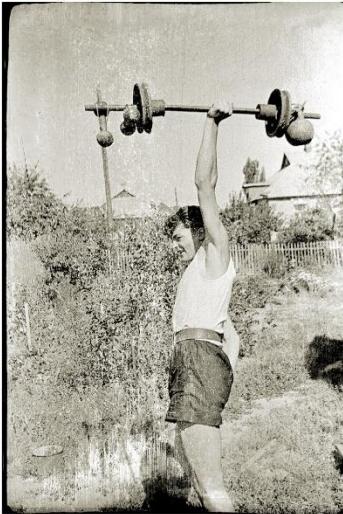
О книге:

Эта книга является результатом нашей работы с 2012 года. Она начинается с ранних фото-хэппенингов, которые Валера Черкашин делал в Харькове в 1960х, и продолжается в пост-советское время хэппенингами в московском метро на станции Площадь Революции. С 1994 года мы впервые выехали из России в США и сделали ряд акций - как реакции на новые места и обстоятельства.

Первый том из десяти, 28x33 см., 254 стр.,
1280 изображений.
Москва 2018.

Заря фитнеса и атлетической гимнастики в СССР

Харьков, 1963



В 1962—1963 годах в Харькове на стадионе «Динамо» открыли первую в СССР секцию по культивизму. Тренерами были чемпион мира по штанге Яглы Оглы и чемпион Европы по штанге Марк Рудман. Так что готовили нас под соусом штангистов. Но в секции было кое-какое оборудование. Она была платная — 3 рубля 50 копеек за два месяца. У меня сохранилось несколько абонементов с 1964 года, тогда тренером был уже Смушкевич (мы с ним эпизодически виделись в Москве до конца 80-х).

Тренировались мы в тяжелоатлетическом зале, где была еще веранда, выходившая на аллею, по которой гулял мирской народ. Некоторые проходящие подходили и с интересом наблюдали за нами. Я, конечно же, этим пользовался.

Я не мог просто спокойно тренироваться, нужно было еще что-то придумать, мне хотелось как-то разнообразнее тренироваться. Это обычно было задуманное действие с участием друзей и рассчитанное на зрителей. Значит по форме это был перформанс.

Этим действием я вовлекал ребят, поэтому это был групповой перформанс. Ребята через окно видели людей, которые вот-вот должны были появиться возле открытой веранды и заметить нас. Они кричали: «Готовься!» Я залезал на брусья и ждал зрителей, напрягаясь и весь краснея от напряжения. Когда они появлялись, я с большим усилием начинал отжиматься, а ребята дружно и громко считали: «125... 126... 127...». На самом деле я мог отжаться раз десять, от силы пятнадцать. Последние отжимания я уже делал с искаженным лицом и ревом.

Вначале прибегал перепуганный тренер, но потом он привык и иногда сам поддерживал меня, считая вслух. У него же был коммерческий интерес, секция ведь была платной.

Остолбеневшие зрители не могли двинуться с места, это впечатляло. Особенно если я стоял со штангой килограммов на сто и отжимал ее 233 раза. Я думаю, немало легенд броило по городу о нашей секции и крутилось парне, который творил чудеса с тяжестями.

На этих фотографиях я в традиционных советских «семейных» самновых трусах. Зная, что штангисты надевают специальный пояс, я пользовался отцовским ремнем, который он привез с войны и правил на нем опасную бритву. Ремень я сохранил.

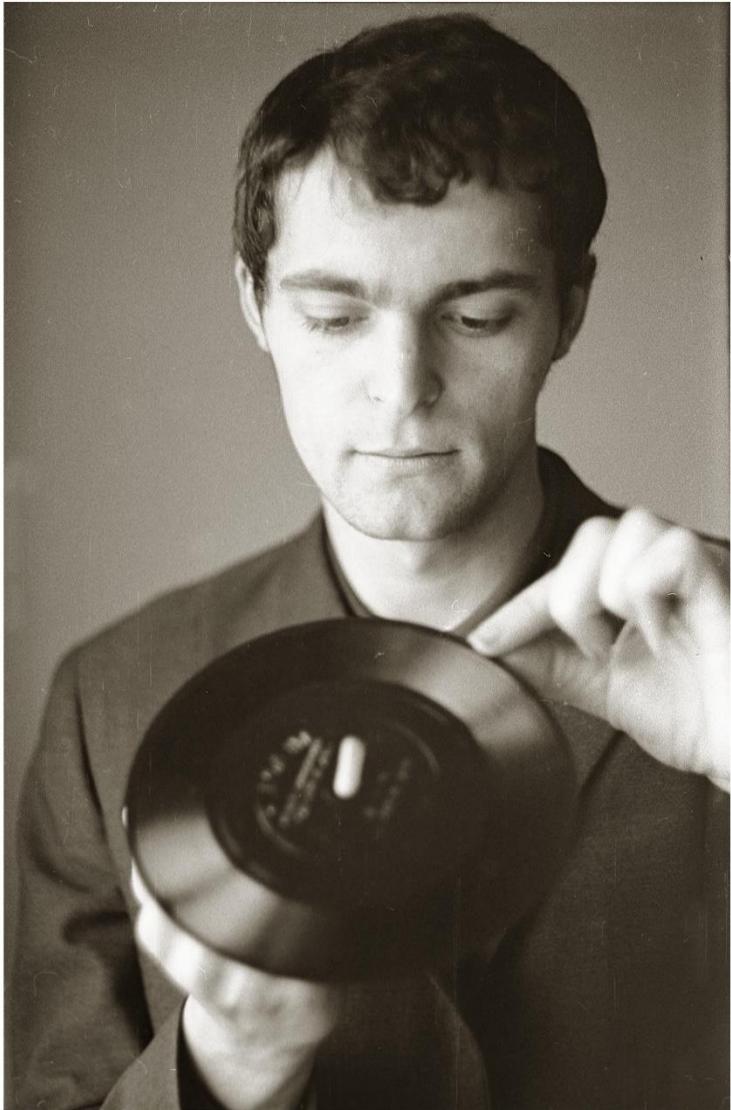
Моя двоюродная сестра Раи любила заниматься спортом и была отличницей в школе. Позже она стала химиком и разрабатывала красители для колбасы. Побывав на производстве, колбасу она ест перестала.



Отцовский ремень, который он привез с войны, я использовал вместо штангистского пояса.

Игра с ногтем

Харьков, 1965



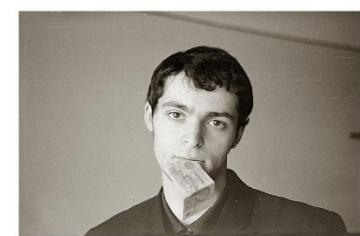
Я показываю преимущества длинных ногтей: как можно почесаться, поковырять в носу и покрутить пластинку...

Довольно рано у меня появилась тяга к моде. Это, конечно, громко сказано, но я пытался оригинально одеваться по тому времени и по своим возможностям. Я шил себе костюмы на заказ и даже заказал выходные туфли с острым носком, которые храню до сих пор. Было какое-то стремление к эстетике, красоте.

Стал ухаживать за своим лицом, ногтями и прической. Отрастил длинные ногти на мизинцах, хотя это было трудно. Я тренировался тогда в нескольких разных секциях: бокса, борьбы, культивизма и т.д. Приходилось наматывать на ногти изоленту, чтобы не сломать их. Тренерам говорил, что это раны. Сохранять ногти было нелегко, и вот когда они более-менее отросли, я сделал эту акцию.



Туфли, сшитые на заказ, с деревянными гвоздиками в подошве. 1963



Почему-то я снялся еще с десяткой рублями во рту. Может потому что это червонец и он начинается как и моя фамилия? Получилось два «Че».

Трагическая виолончель

Харьков, 1970



Шашка-смычок

Боря Глузман как-то пришел ко мне и сообщил, что группа «Битлз» распалась. А Боря все знал. Он сильно переживал и причитал:

— Что делать, что делать?
А я говорю:
— Давай свою группу сделаем!
— А как? — спросил Боря.

Я переоделся в костюм, нашел гитару, шашку. Вдвоем с Борей мы создали странный музыкальный инструмент, мелодию которого лучше представлять умозрительно, чем услышать в натуре.

Вот такой жест — акция на событие.



В это время я уже увлекся искусством. На заднем плане мой рисунок. Как раз портрет Бори Глузмана. Мама Бориса работала в лучшем книжном магазине Харькова, благодаря этому мне удавалось читать самые редкие книги. Борис очень любил испытывать на себе действие всяких новых препаратов, типа ЛСД, и поэтому иногда пропускал школу. На меня это не распространялось.

Молитва о прозрении Рэя Чарльза

Харьков, 1966. Москва, 2000



Валера в черных перчатках, очках и шапочке представляет себя Рэем Чарльзом.



Мы молимся, чтобы Рэй прозрел... И чудо свершается! Все счастливы.



Западной музыки, конечно же, в открытой продаже не было. Подпольно, с большим риском покупали тогда записи на рентгеновской пленке, но, придя домой, можно было услышать один шум. Слушали разные голоса: «Голос Америки», BBC, «Свободу», но это было совместное творчество западной музыки и какого-то периодического гула, которым спецслужбы заглушали радиопередачи. Палимпсест какой-то.

Я часто слушал эти радио и теперь воспринимаю любое звучание записи, удовлетворяясь записями с приемника, чувствуя в помехах и плохом качестве какой-то особый кайф.

Очень мне нравился Рэй Чарльз. Мы с сестрой и ее подругой провели первоманс, решили помолиться Богу, чтобы Рэй прозрел. Я изображал Рэя: был в черных перчатках, черных очках, играл на гитаре и пел его песни.

Потом мы молились с Библией в руках о его прозрении. И о! Хвала Господу! Он прозрел! И мы возрадовались.

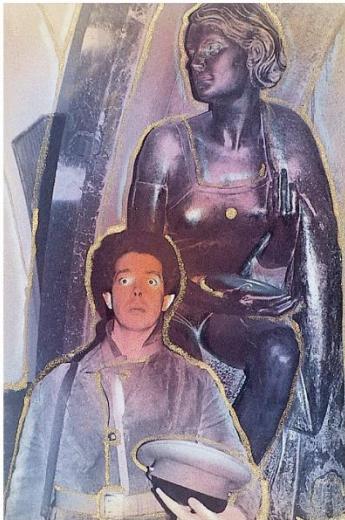
Валера и Рэй Чарльз.
Воплощение мечты (справа)

В 2000 году посол США Джеймс Коллинз пригласил нас с Наташей в свою резиденцию в Москве на встречу с Рэем Чарльзом. Это была замечательная встреча. Можно было с ним разговаривать, общаться. Он брал собеседника за руки, и начинался необычный контакт. Я, мало зная английский, сумел как-то рассказать историю, как мы молились за него, и он все понял. Наташа еще спрашивала, о чем это я так долго с ним говорил и почему он так много хотят? Потом Рэй Чарльз играл, и это дало возможность сделать хорошую съемку для портрета.



Приватизация скульптур

Станция метро «Площадь Революции», Москва. 9:00 28 ноября 1990



Александр Соколянский с приватизированной спортсменкой

Участники: Ирина Базелева, Катя Юдина, Мария Кондратьева, Татьяна и Наташа Колодзей, Людмила Сальникова, Ирина Филатова, Игорь Петров, Юра Ненипоренко, Эдуард Горюховский, Александр Соколянский, Елена Нагорничных, Татьяна Шумова, Сергей Кусков, Наташа Бриллинг с дочерью Катией, Людмила Бредихина и другие.



Валера Черкашин и Наташа Колодзей с приватизированным пограничником



Людмила Бредихина с приватизированным студентом



Эдуард Горюховский с приватизированной семьей

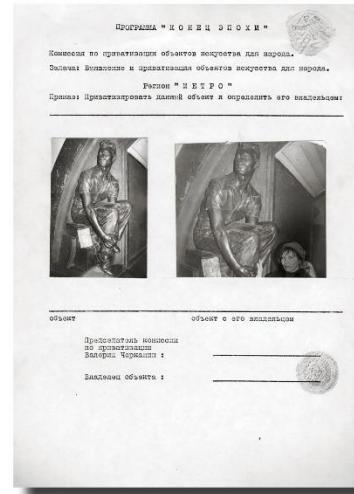


Татьяна Колодзей с приватизированным матросом

В это время мы были обеспокоены уходящей культурой СССР. Много фотографировали метро, сталинские высотки, ВДНХ. Мы понимали, что без знания и понимания прошлого нет ни настоящего, ни будущего. Читали разные глупости в газетах, будто нужно все снести, что напоминает СССР, и даже убрать скульптуры со станции метро «Площадь Революции». Это нас взвуждало. Оказывается, это все «колхозное» и в то же время уже ничье. А что если эти скульптуры приватизировать? В форме искусства, конечно. Мы позвонили друзьям, они с удовольствием согласились принять участие, идея им понравилась. Решили идти на станцию на свой страх и риск. Быстро что-то сделаем, снимем, пленку спрячем до прихода милиции, а дальше будь что будет. Слух о нашей акции распространился по Москве.

Накануне вечером позвонила Оксана Сыркашева. Говорит, хорошая идея, и если будет камера, она приедет снимать сюжет. Все собрались, человек пятнадцать, на станции. Мы объяснили всем идею: каждый должен выбрать себе скульптуру и стать ее владельцем. Сначала фотографировали скульптуру одинокую, а потом с владельцем, который ее выбрал. Пошло хорошо, но вскоре появились милиционеры. Мы начали готовиться то ли к захвату, то ли к побегу. И тут пришла Сыркашева со съемочной группой итальянского телеканала «Italian Super Channell» и разрешением на съемки в метро. Милиционеры разочарованно отступили, и мы спокойно досняли перформанс.

После этого мы сделали документы на приватизацию и раздали их счастливым обладателям приватизированных статуй.



Подземная свадьба. Бракосочетание

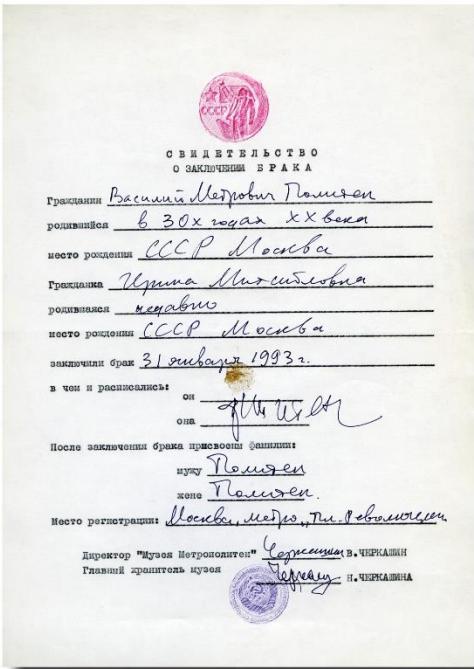
Станция метро «Площадь Революции», Москва, 31 января 1993



По традиции во время свадьбы молодожены посещают памятные места, поэтому Ирина посетила историческую стену с гимном Советского Союза. Валера сопровождал ее как официальное лицо и представитель жениха.



Специально сделали свадебное платье и шляпку из газет и покрасили их чернилами и бронзовой краской. Для церемонии также был сделан неувядающий букет газетных цветов.



Невеста и жених поставили свои подписи в официальном свидетельстве о браке. Колхозник Василий не смог поставить личную подпись, пришлось ограничиться бронзовым отпечатком его пальца.





О перформансах Черкашина

«...Был нормальный молодой художник из Харькова, учился в Ленинграде, но не в Академии, а в тогдашнем «подполье». Но это тоже для наших широт — вроде как норма. Впитывал классическую традицию авангарда... Странные вещи мы привыкли говорить: «Классическая традиция авангарда» — это как горячий лёд. Ну да ладно. Писал художник добрые коллекционные акварели, с нормально перекроенным, деформированным внутренним пространством.

Перекраивать видимое и эмпирически знаемое, превращать это во что-то «невероятное» (хотя почему невероятное?) — эта опасная страсть разилась в полную силу, когда опыты с фотографией поднялись на высоту зрелости. В это самое время и грязнула Перекройка, то есть Перестройка. То есть всё смешалось в чинном советском бедламе, и получилось, как коллаж Черкашина, как его перформанс.

В эти же годы:

Американский художник Макс Нойхаус делает в одной кельнской галерее звуковую инсталляцию: помещение маленькое, но в нем раздаются звуки громадного зала— шорохи, шаги, отда-

Яна Стербак появляется на перформансе в платье, сшитом из сырых биф-



штексов — красных, напитанных кровью лоскутов мяса.

Джефф Кунс торгует по миру своими собственными портретными бюстами в добротной и изысканной реалистической манере, но голова бойкого нью-йоркского парня сочетается с грудью, как бы позаимствованной у дорогой парижской манекенщицы.

И так далее. Все это было в 1990 — 1992 годах. События разного уровня, явления разной стилистики, разного покерча. В эти самые годы создаются в Москве черкашинские «Кариатиды» и прочие фотомонтажи, живая женщина выходит замуж за бронзовую стахановца Васю, и прочее. Создаётся музей Метрополитен (не нью-йоркский, а московский).

Нет, конечно же, есть и Монмартр, и Измайлово, и разные ассоциации художников, которые обслуживают разумное, доброе и вечное. То есть вполне безнадёжные не баламуты.

А баламуты смешивают разные уровни реальности — большое и малое, внутреннее и внешнее, мужское и женское. А также прошлое и настоящее, смысл и бессмыслицу, живое и неживое. И все прочее также.

Они покушаются на упорядоченное мироздание. Для них нет центральной оси, нет Священной Истины (разум, добро, и прочее). То есть упорядочить явления бытия, разделить их на катего-



рии и выстроить из них стройное здание — невозможно. У них, у баламутов, мир бывает каким угодно, а человек — всевозможный, в любом смысле слова. Это если отвлечься от того факта, что, к примеру, Джейф Кунс — по натуре хулиган, вроде Эдика Лимонова, а Валерий Черкашин — личность артистическая, фотографическая, экранная. Но дело здесь уже не только в личностях.

Сначала были Дюшан и Джойс, Анджелине Бретон, Йозеф Бойс. Мы имеем дело с продолжателями — на Западе, и на Востоке. Продолжается великий и странный эксперимент: возвращение к «матерям» (Гёте), к хаосу и безумию (Шестова), к Дионису (Ницше) и временно-рольному, внераузумному подсознанию (Фрейд). Свет и тьма, Инь и Ян, добро и зло, жизнь и смерть уже не могут разделяться так решительно. Что смеется, что плачет в головах? Кому адресовать наши восторги и обвинения? Альберту Эйнштейну, Ленину, Гитлеру?

Александр Якимович
Вице-президент международной
ассоциации критиков.
Париж 1992



Mutter, ehrliche Leute sind gar nicht so schlimm, und diese Leute trinken Champagner und schlafen mit ihren Dienstleistern. Die Münzmeile wurde gegründet, um die Qualität der Daseinsvorsorge zu erhöhen, und die Kanzlei wird sich auf die Verteilung konzentrieren, wenn sie die Vergangenheit überwunden hat.

Sie haben sich vor ein paar Jahren die Schule, die Sonnenblume und das Leben wieder vorgenommen. Sie haben sich bald befürchtet, dass sie keine Vergangenheit mehr haben werden, nachdem sie zumindest eine Zukunft gefunden haben. Das kann man nicht verstehen, und seiner Perspektive mu-

A person in a traditional Chinese opera costume, possibly a general or deity, with elaborate makeup and a plumed helmet, standing in a crowded room.

Stern. Da war man gespannt, trank weniger Wodka und goss weniger heiße Röcke. Man verzehrte statt und fühlte sich doch nicht schlecht. Und die Käsekrabben machen, Gott sei Dank, Bilder über das Leben des salzhungrigen Alten über die altenhafte

den, das Guße: die Sonnenuntergangs-Menschen. Die Mütter aus „Zwick“ sind ebenso schrecklich als Kästchen; für Städte ist es eine schreckliche platzsparende Schenke am Platz, wodurch auf der einen Seite ein schönes Tal aus Tauen wird und auf der anderen Seite ein schrecklich dämpt: Sprachlosigkeit, Stille, Stille und Stille. Und was kann man mit dem sagen gegen das Tal? „Wie schlimm! Wie schlimm! Wie schlimm!“ Und schlimm und schlimm und schlimm. Ich kann schlimm zu dem Tal nicht hinaufschreiten. Ich kann mich nicht auf den Berg hinaufschreiten. Ich kann mich nicht auf den Berg hinaufschreiten. Ich kann mich nicht auf den Berg hinaufschreiten.“

Von Tiefel. Ab und zu ist der Gertrau-Kulturspiele zumindest ein Meister-Rückblick von „Karamazow“ oder „Schneewittchen“ ebenso lustig wie schrecklich. Manche Szenen sind einfach toll, andere sind ebenso lächerlich wie schrecklich. Aber die Stimmung ist durchweg fröhlich. Wiederum heißt es „Freude mit dem anderen teilen“ und „die Konsens“, also heißt es durchaus, was er braucht, um sich zu entfalten. Und wiederum ist dieser Zweig über den Kopf. Das zeigt Publikum ja bestens. Die Bühne ist eine wahre Kabinettspolizei und bestimmt die Aufführung, als das

Der Westen fand die aufrechte und schick, den rechten Untergang der Perestroika. Schriftsteller, Sowjetbeamte und Militärratoren – wie eben auch der westliche Botschafter – würden gelöst. Das große Drama von Elend und Tod, das sich über viele Jahre erstreckte, sei überwunden, so blieb nur zu hoffen.

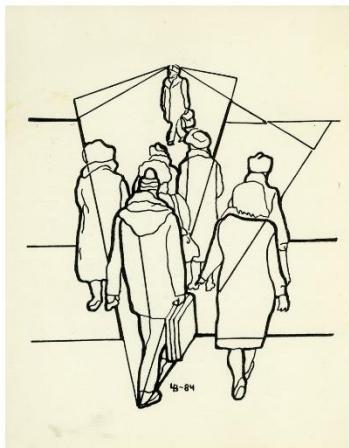
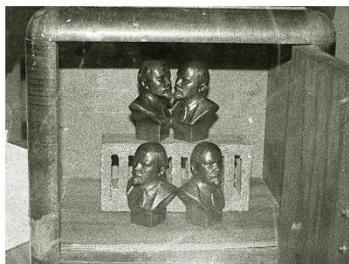


«Конец Эпохи, 1990-стые»

ВГБИЛ, Москва, 1990-е

Целуются или поссорились?

Одним из экспонатов была тумбочка, в которой находилось четыре бюста Ленина — те, что участвовали в нашем экзамене. Тумбочка была окружена поздравительными открытками и накрыта полусферой для ценных книг. Время было переходное, неопределенное, поэтому два наших Ленина, которые были на «кирпиче истории», целовались, а два других — поссорились и отвернулись друг от друга. Эта акция отражала время колossalных внутренних противоречий. Появилось много исторических материалов, отрицающих Ленина, и много — славящих его.



Пригласительный билет



Перформанс «Освобождение». Под этими « песочными часами » и мавзолеем — символом уходящего времени — была конструкция, куда мы залезли и, чувствуя себя сжатыми со всех сторон, ощущали сильное давление этим верхним символом. А потом, выбрившись оттуда, мы, радостные, поднимали факелы «очистительного огня свободы». Фото Риты Фроменвиллер, нашей подруги и первого спонсора.

Прием по высшему разряду

В дирекции ВГБИЛ нам сказали, что на территории нашей выставки есть камин. Но так как это все-таки спецхран, то его разрешают зажигать, только когда есть гость уровня посла. У нас тогда как раз появился новый коллекционер — посол Индии, и мы позвали на открытие.

Но не все просто в этой истории... А что зажигать? Дрова мы должны были сами найти и привезти. В то время никаких дров в супермаркетах не продавали. На улице было 20 градусов мороза. Мы закутались шарфами, взяли топор, пилу, санки нашего сына и отправились в парк на лесоповал. Набрали сушняка, впряженные и повезли груженые санки к дому. Это напоминало картину критического реализма с детьми-сиротами, которые везли бочку с водой...

Навстречу нам попадались редкие закутанные прохожие и, впечатленные и заинтересованные таким зрелищем, спрашивали: «Что это вы делаете? Куда дрова везете?» А мы на полном серьезе: «Вы что, не слышали?! Надвигаются страшные холода, полопаются трубы и не будет отопления. По радио всем предлагают запасаться дровами, чтобы не замерзнуть в своих холодных квартирах. Мы уже буржуяку установили!» И люди возвращались домой, приговаривая: «Хорошо, что узнали, но где же взять санки?!» Так наша акция помогла очистке леса от сушняка.

Гениева все поняла

В один из дней подготовки к выставке Валеру неожиданно вызвали к директору Екатерине Гениевой. Она сидела в большом кабинете, очень серьезная. Взглянув на Валеру, спросила строго:

— Кто дал текст для приглашения?

Валера говорит:

— Я дал, а что?

— Тогда я накажу тех, кто это пропустил!

— А в чем дело? Как это — текст давал я, а наказывать других?

— Мне второй день звонят из разных посольств, обязательно ли приходить на открытие? Только что звонил посол Германии, недавно американский посол звонил, звонили из Французского посольства. Кто написал, что явка обязательна?

— Я написал, ведь эта выставка посвящена советской эпохе, а тогда так было. Мы же все ходили по таким объявлениям. Так что пусть и они приходят!

— И еще, почему у вас тут написано «90-стый»?

— Ну потому что следующий год будет «91-ый».

Гениева внимательно посмотрела на Валеру и сказала:

— Теперь я все поняла! Можете идти...



Пригласительный «явка обязательна». Акция «Введение приглашенных в контекст советской эпохи» всполошила весь дипломатический корпус Москвы.

Распитие русской водки американским демократическим способом

Бродвей, Нью-Йорк, 7 июня 1994



Валера с бутылкой «Русской Свободы».



Черкашины на пьедестале Свободы. Фото Татьяны Колодзей



«Танец свободы» исполняет трио: Татьяна Колодзей, Гена Кацов и Аркадий Кириченко.

«Русская Свобода» в подарок

У нас с собой была бутылка горячей «Столичной». Мы привезли ее из самой Москвы. Валера сделал хеппенинг: поизировал в форме статуи Свободы, держа вместо факела бутылку водки, и выкрикивал: «Вот вам, американцы, в подарок русская свобода!»

Тут он заметил жадные глаза участников перформанса и сразу спрятал бутылку водки, сказав: «Рано еще пить, это следующий перформанс!» Генчик всю дорогу ironизировал над новым словом «перформанс» и здесь не смолчал: «Ну вот это и был главный перформанс — не дать нам на «Свободе» попить водки».

Татьяна Колодзей гениально сфотографировала нас сидящими на пьедестале статуи Свободы как на коне. Ей удалось такую точку найти, что из ковбойской шляпы на голове у Валеры торчала корона, рука статуи с факелом тоже вписывалась и как будто была его рукой.



Гена Кацов, Татьяна Колодзей и Валера Черкашин пьют водку на Бродвее американским способом.

Распитие водки на Бродвее

Мы заметили, что на улицах Америки спиртное можно пить, только если его спрятать в бумажный непрозрачный пакет. И пей на здоровье, до упаду, но другим не показывай, что там у тебя скрыто. Был задуман следующий перформанс — «Распитие русской водки новым американским демократическим способом». Мы приехали на Бродвей, выбрали место побойче. Устроились напротив театра, где проходил знаменитый мюзикл «Кошки», и на его фоне Валера вытащил большой черный мусорный пакет. Наташа вытащила второй. Мы раздали всем, кто хотел пить, по такому пакету. Пакеты были 100x70 см. А на Бродвее частые ветры. И ветер сразу же раздул наши пакеты как шары. К нам тут же (подозрительная же компания) подбежали полицейские и стали заглядывать в мешки. Мы на чистом русском говорили правду, что мы набираем воздух свободы для России. Они ничего

не поняли, но ничего не найдя, пожали плечами и ушли. Валера достал водку, вставил в большой пакет. Остальным, кто не боялся, раздали мерные стаканчики, которые они вставили в свои пакеты. Генчик все время приговаривал: «Если засекут — две стаканчики и палкой по морде! Хотите?» — и как-то отстранился. У него была green card, и нарушение ему было ни к чему. Правда, очень быстро жажды взяла свое. Ну а нам, не зеленым, а еще красным, терять было нечего. Валера налил из пакета по стаканчику водки, она была действительно 40 градусов, но 40 градусов Цельсия. Солнце так жарило, что может быть и больше. Татьяна, Валера и Наташа ради искусства поучаствовали в перформансе. Поколебавшись, Гена Кацов тоже не выдержал и пригубил рюмочку водки из Москвы. Вот так — счастливо, в хорошем настроении и без полиции — мы закончили этот день.

«Прощайте, любимые портреты европейского народа: здравствуй, евро!»

Бассейн штаб-квартиры Всемирного банка, Вашингтон, США, 1999—2000

Как приходят идеи

В Всемирном банке была выставлена наша черно-красная инсталляция «Конец Эпохи». Мы как-то шли с куратором Артемиз Зенатая на нашу экспозицию, и она говорит: «Вот посмотрите, это наши два больших бассейна, и они неинтересные, мне не нравятся. Вы же с водой работаете, может вы что-нибудь сделаете здесь?» Валера: «Конечно!» Артемиз: «А идея есть?» Валера: «А как же!» — и смотрит на Наташу с надеждой, а Наташа на него... Потом он мысленно обращается ко вселенной как всегда: «Ну раз ты дала нам такой шанс, так дай похалуйста и идею». Снишлось. Валера и произносит: «Евросоюз создает единую валюту, уходит культура европейского портрета на банкнотах, это все становится Атлантидой». — «Класс! — говорит Артемиз. — Замечательная идея! Через год делаем!» А дело в том, что у нас в это время в Ситибанке проходила выставка (куратор Дайана Билл) «Любимые портреты народов мира» — портреты с банкнот, и Артемиз на ней была, поэтому она сразу поняла идею нашей акции.

Мы вернулись в Москву и начали готовиться. Нужно было найти изображения с банкнот всех европейских стран, а у нас были не все: не везде мы еще побывали. Обращались в посольства и просили дать нам черно-белые ксероксы с портретами. А банкноты было запрещено копировать, поэтому некоторые волновались и не сразу помогали нам. Зато в Финском посольстве нам подарили стопку книг с подробным описанием и картинками. Шаг за шагом собирали весь материал. И тут грянул кризис 1998 года. Все ходили расстроенные и спрашивали: «А что вы делаете?» — «Мы делаем большие деньги», — говорил Валера и широко разводил руки. — Примерно вот такие!»



Центральный вход во Всемирный банк. Атриум. Бассейны слева и справа. На колоннах баннеры нашей выставки-инсталляции



«Эволюция хаоса. Апокалипсис»

Поселок Новый Свет, Крым, июль 2008



В 2008 году у нас появилось неосознанное чувство страха за нашу планету. Какое-то космическое, необъяснимое чувство. Мы еще не совсем понимали, откуда берутся наши предчувствия, а художественная интуиция уже подталкивала к действиям. Конечно, она всегда делает подсказки через реальные вещи, которые нас окружают.

Валеру вдруг потянуло к марле, которая висела на двери нашего деревянного домика в Новом Свете в Крыму. Мы поняли, что ячейки этого материала напоминают цифровые пиксели, только они не ограничены одинаковыми размерами, а наоборот, все индивидуальны. Это была органическая матрица, с помощью которой можно было как-то выразиться. Мы без проб начали действовать и снимать интуитивно. В тот момент нам хотелось сообщить окружающим о нашем страшном и тяжелом предчувствии. Мы понимали, что слов у нас нет, что это еще не озвучено нам вселенной, не конкретизировано...

Валера был полностью обнаженным, поэтому Наташа волновалась и это придало снимкам дополнитель-

ную энергию. Думали сначала снимать на видео, но поняли, что нельзя размазывать момент, нужно напряжение, максимальное напряжение, которое может дать только фотография.

И вдруг Валера, прижимаясь к марле и с силой обтягивая ею лицо, начал беззвучно кричать. Крик как бы запечатывался, оставался внутри, потенциально готовый для взрыва. Поэтому вся энергия стала проявляться в мимике лица и пропускать на марле. Наташа иногда было страшно, но она не останавливалась Валеру и продолжала фотографировать.

Действие было недолгое, съемка длилась минут десять-пятнадцать, но мы так устали, что сразу легли спать, не пошли на обед и проспали до утра.

Приехав в Москву, начали работать с изображениями. Идеи шли потоками, и все они были связаны с предчувствием трагических событий, возможно войны. Сначала мы назвали эту серию «Предчувствие III мировой» но потом одумались и назвали «Эволюция хаоса. Апокалипсис».



Возможности диалога. Консенсус



Дипломаты войны



Возможности диалога. Разногласия

Музей Метрополитен Черкашиных
Валера и Наташа Черкашины



Как я был настоящим художником

Рисунок, живопись, акварель

Книга 2: Как я был настоящим художником. Рисунок, живопись, акварель. 1967 - 1989

О книге:

Эта книга включает в себя ранние работы Валеры Черкашина: рисунок, живопись, акварель, темперу, пастель, литографию, офорт, монотипию.

Она рассказывает об уникальном становлении художника, сознательно отказавшегося от официального образования и прошедшего самостоятельный путь развития.

О необходимости интуитивного поиска учителей и о том, какие сильные, красивые и гениальные люди встречаются на этом интересном пути.

Второй том, 28x33 см, 410 стр., 1600 изображений.
Москва 2019.



Муки творчества





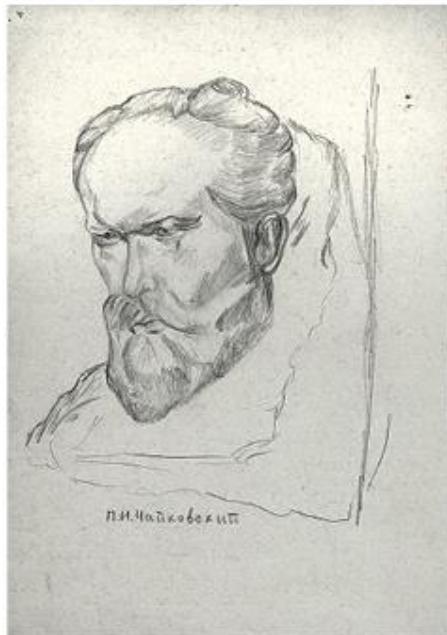
Освоение палитры, которую я тоже сделал сам из обычной фанеры, еще не зная, что её нужно готовить особым образом, чтобы в ней не впитывалась краска. Я начал рисовать, потом гуашь испробовал, а потом и масляные краски купил.



Л. Бетховен. Карандаш, 20×14,2 см, 1968—1969.
Портреты Бетховена и Чайковского, которых я чаще всего слушал. Насколько я помню, они были срисованы с Детской энциклопедии, в которой я черпал информацию об известных людях. Там были фотографии скульптурных портретов Бетховена и Чайковского. В общем, естественный постмодернизм!



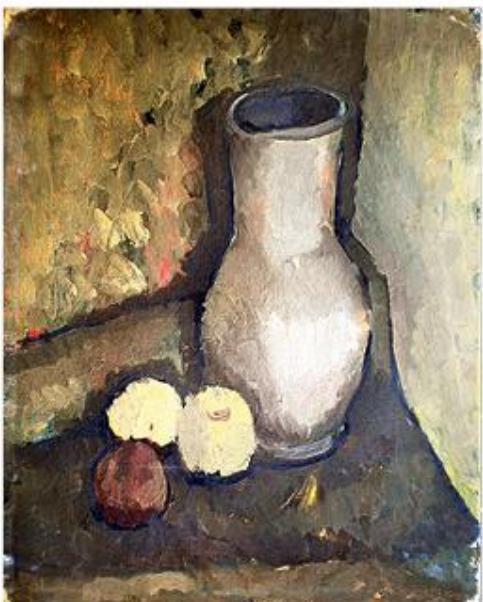
Портреты Никколо Паганини сделаны с репродукций работ С. Т. Конёнова. Простой карандаш, 40,5×29 см, 1968—1969,



П. И. Чайковский. Карандаш, 20×14,2 см, 1968—1969.



Валера с самодельной палитрой из фанеры,



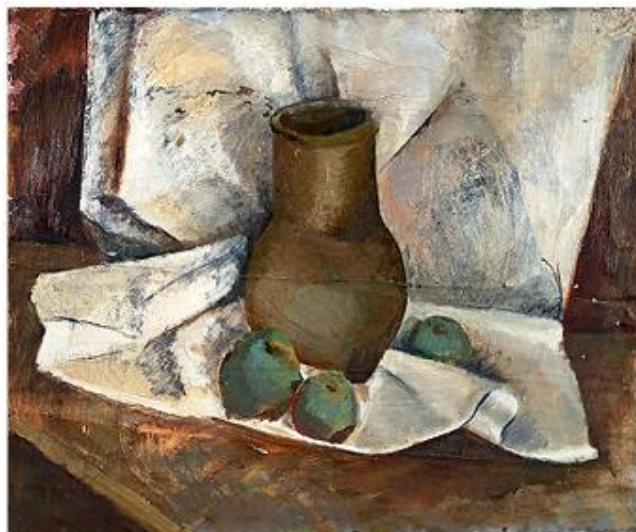
Кувшин с яблоками. Масло, картон, 1973. Хранится в Харькове.



Копия работы Сезана. Масло, картон, 50×74,5, 1974,



Кувшин с яблоками. Масло, картон, 1973. Хранится в Харькове.



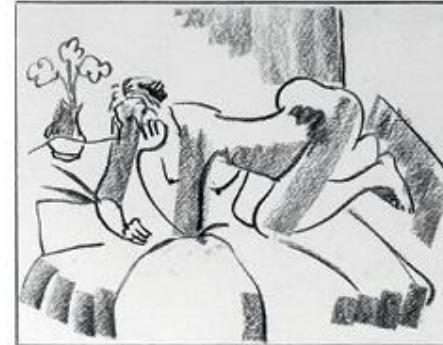
Кувшин с яблоками. Масло, картон, 46×56 см, 1973.



Гала, Уголъ, 35x27 см, 1981,



Гала, Уголъ, 27x35 см, 1981,



Гала, Уголъ, 27x35 см, 1981,



Гала, Уголъ, 27x35 см, 1981,



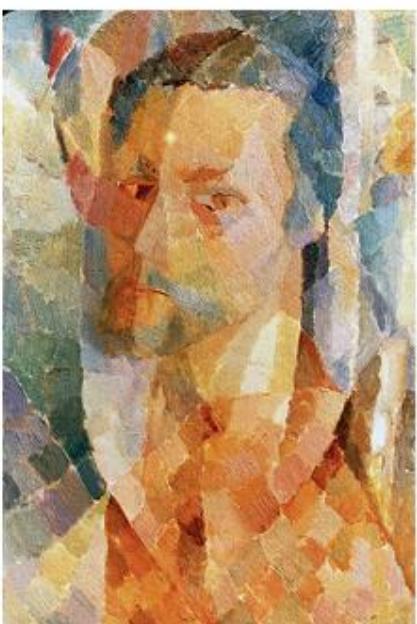
Гала, Уголъ, 27x35 см, 1981,



Автопортрет. Картон, масло, 63×53,5 см, 1981,



Оюю в Финляндии. Картон, масло, 01.02.1981. (Подарена Виктору Кривулину)



Автопортрет. Картон, масло, 66,5×43,5 см, 1981,

Выставка в литографской студии Фаворского

Февраль 1982



Открывал выставку Май Митурич.



На открытии в студии Фаворского.



На открытии в студии Фаворского.



Простой карандаш, 27×19 см, 10—12,1981.

Минут за 30 до открытия дверь открылась, и первым зашёл Илья Кабаков с женой, за ними Эдуард Гороховский с женой. Для меня это было символично: первые посетители, я чувствую знаки и их важность. Получилось, что Кабаков был причастен к организации этой выставки, ведь это он меня связал с Бисти.

На выставке поговорили с Ильей Кабаковым о моих последних рисунках. Он сказал, что это уже не чисто рисунки, это что-то другое. Что я работаю с ними, как с объектом. Рисунки стали многослойные, слоистые. Первый слой я покрывал лаком, а по нему шёл следующий слой рисунка.

Потом собрались гости. Открывал выставку Май Митурич. Пришли Нина Ильинична Нисс-Гольдман, Корсакова, Захаров. Был автобус из Сенежа, и приехали несколько художников из дома творчества на открытие. Бисти приходил отдельно. Ещё были Голицын и Эльконин. Лабас перезвонил и сказал, что заболел. Выставил я тогда работ 30. Это были рисунки и литографии, которые я сделал на Сенеже.

Для меня это была этапная выставка. После неё вживую я уже почти не рисовал, я понимал, что классический процесс у меня закончился. Меня всё больше тянуло к андегранду, но связи с пластическим процессом я старался не терять, а пользоваться им как языком выражения. Вскоре появились рисунки, связанные с фото, и красная линия. И это уже были больше концептуальные процессы.



Простой карандаш, 27×19 см, 10—12,1981.



Красная линия
с 1982

Акварели С 19 апреля 1983 года

Зиму и весну 1983 года я жил у Пенкина (не певца!) в Доме «Россия» на Сретенском бульваре. В том же доме, где у Кабакова была мастерская.

19 апреля я готовился пойти к Наташе на день рождения, где решил предложить ей руку и сердце. Эта идея навела меня на мысль сделать специально для неё по такому случаю необычную для себя работу. Я сильно напрягся и сделал свою первую акварель. Это были цветы с текстом стихотворения Фёдора Тютчева «...И увядание земное цветов не тронет неземных, и от полуденного зноя роса не высохнет на них». Почему этот текст — не знаю, какой-то смысл, вероятно, тогда я в него вкладывал.

Это же стихотворение в 2002 году стало эпиграфом к нашему перформансу в Монголии, когда мы озеленили пустыню Гоби цветами из газет, политых «Столичной» водкой. Там оно приобрело новый смысл.

И вот в день рождения я подарил Наташе свою первую акварель и сделал предложение. Подумав



Неземные цветы. Акварель, тушь, перо, ретушный карандаш, 43×33 см, 1983.

до конца вечера, она его приняла, и с этого времени мы стали жить и работать вместе, как один художник.

Ещё до этого я работал с журнальными изображениями, которые переводил с помощью света на чистую бумагу. Живым рисованием я уже почти не занимался. В 1989 году у меня был ещё один период живого рисования. Это был год выплеска рисунка и живописи маслом, после которого это всё закончилось, и мы полностью перешли на работу с фотоизображением и более плотно стали работать вместе. Уже начиная с 1981 года, фотографическое изображение занимало всё большее и большее место и, в конце концов, полностью вытеснило собой всё остальное.

В 1983 году я ещё использовал рисование, но совсем как подготовительное. Я рисовал цветы вживую, а потом этот рисунок через стекло переводил на чистый лист, как бы выбирая и оттавливая линии. Затем шло заполнение листа. А исходный, живой рисунок уже не имел для меня никакого значения, я его, к сожалению сейчас, но без сожаления тогда, выбрасывал.

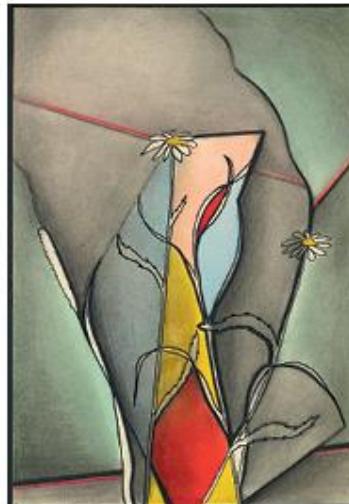
Недавно мы узнали, что в модерне Климт пользовался таким же приёмом. И, что ещё интересно, мои первые акварельные работы тяготели к стилю модерн, хотя и были синтезированы с геометрическими пространствами, а также чёрными и красными линиями, перекочевавшими в них с предыдущих рисунков и фоторабот.

Был целый период таких акварелей с изображением цветов и яблок. Мы считали удачными почти все за исключением одной работы, которая нам обоим казалась немного блекловой и неважной по цвету. Как-то мы сделали дома небольшую экспозицию из новых работ. Пришёл один наш дружок, как-то занервничал и выразил сомнение по поводу всех работ, сказав, что это всё фигня. Потом присмотрелся, увидел нашу отвергнутую работу и произнёс: «Ну, может, в этой ещё что-то есть»...

В это же примерно время к нам приехал из Харькова Боря Михайлов. Он, ещё раздеваясь, заглянул в комнату, в которой висели наши акварели и воскликнул: «Ух ты! Классные работы! Чы?» Я сказал, что мы их купили у прибалтийского художника. А он: «Это должно здорово продаваться!» Когда мы сказали Боре, что это наши работы, мы не поняли, разочаровали мы его или обрадовали. Вот такие разные оценки нашего нового движения мы тогда получали.



Наташа и Валера. Фото Гарика Пинкасова



Акварель, тушь, перо, ретушный и красный карандаш, 9×13 см, 1983.



Советские люди и архитектура. Акварель, рутинный и красный карандаши, тушь, перо, 60,5×43 см, 1994.



Советские люди и архитектура. Акварель, рутинный и красный карандаши, тушь, перо, 60,5×43 см, 1994.



Советские люди и архитектура. Акварель, рутинный и красный карандаши, тушь, перо, 60,5×43 см, 1994.



В нашей инсталляции мы воссоздали Красную площадь и вход в Мавзолей. Под акварельными работами к входу в Мавзолей выстроилась очередь из советских людей.



Несколько фигур мы сделали с американцев во время открытия выставки и добавили их в очередь. Они были иностранными туристами, посещающими Мавзолей.

Музейные и корпоративные коллекции Черкашиных



Вторая встреча с Anne Tucker, куратором музея Houston Fine Art



Robert Sobieszek и Tim Wride выбрали первые «миражные» работы. LACMA



Вторая встреча с David Travis куратором музея Art Institute of Chicago. Вторая покупка работ.

Art Institute of Chicago (1994, 1998), США
Museum of Fine Art, Santa Fe, New Mexico, США
Los Angeles County Museum of Art, США
Boston Museum of Fine Arts (2003, 2005), США
Philadelphia Museum of Art, США
Houston Museum of Fine Arts (1998, 2005), США
San Francisco Museum of Modern Art, США
Frederick R. Weisman Art Museum,
University of Minnesota, Minneapolis, США
The Jane Voorhees Zimmerly Art Museum, Rutgers University, New Jersey, США
Newseum, Washington DC, США
Harry Ransom Humanities Research Center, University of Texas, Austin, США

Corcoran Gallery of Art, Washington DC, США
Kolodzei Art Foundation, США
US Library of Congress, США
New York Public Library, США
World Bank Headquarters, Washington DC, США
Kennan Institute. Woodrow Wilson Center. Washington DC, США
Emprise Bank, Wichita, KS, США
Galileo Global Advisors LLC company, Нью-Йорк, США
Museum am Checkpoint Charlie, Berlin, Германия
International Center of Photography, Токио, Япония
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург
Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Москва

Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Москва
Музей органической культуры, Коломна
Музей российской фотографии, Коломна
Музей «Другое искусство», РГГУ, Москва
Музей современного искусства, Ростов-на-Дону
Мультимедиа Арт-Музей (МАММ/МДФ), Москва
Государственная Третьяковская галерея, Москва
Фонд культуры России, Москва
Stella Art Foundation, Москва
Ford Foundation, Москва
Компания Motorola, Москва
Тихий океан
Ниагарский Водопад



Clifford Ackley and Anne Havinga выбрали первую цифровую работу. Boston Museum of Fine Arts.



Встреча с Stephen Pinson, куратором New York Public Library. Сейчас он куратор Metropolitan Museum.



Наташа Черкашина, Jane Sharp и Norton Dodge & Zimmerli Art Museum

НАГИЕГИЕ

**Том 3. Нагие
И не только... и не совсем.
1962—2015**

Съёмки моделей и друзей, обнажённых и не совсем. Этот том существует только в цифровом формате, постоянно дополняется и пока опубликован не будет. Хотя многие предлагают нам публиковать именно его.

Музей Метрополитен Черкашиных
Валера и Наташа Черкашины



Конец Эпохи

Работа по фото, коллаж, инсталляции

**Книга 4: Конец Эпохи. Работа по фото,
коллаж, инсталляции.
1983 - 1994**

О книге:

Эта книга о том, как яркое и трагическое время Перестройки кардинально повлияло на наше искусство и привнесло в него много новых идей и материалов.

Мы вышли за формат изображения в пространство и стали делать инсталляции и трехмерные объекты, а так же продолжили делать перформансы, но уже не личные, а в общественной среде.

Четвертый том из десяти. 28x33 см, 290 стр.,
1344 изображения.
Москва 2020.

Музей Метрополитен Черкашиных
Валера и Наташа Черкашины



Миражи империй

Работа по фото, инсталляции, путешествия

Книга 5: Миражи Империй.
Работа по фото, инсталляции, путешествия.
1994 - 2003

О книге:

После первой поездки в США в 1994 году, мы продолжили работать с памятниками советской эпохи, как с миражами прошлого. Во время путешествий мы заинтересовались имперскими культурами других стран: США, Германии, Испании, Японии, и тем, как имперское мышление выражалось в их искусстве и архитектуре. Так родился проект «Миражи империй».

Пятый том. 28x33 см., 450 стр., 1600 изображений.
Москва 2022.

Музей Метрополитен Черкашиных
Валера и Наташа Черкашины

Новые Черкашины
Перетрансформация

Пастели, теннис-арт, бокс-арт, футбол арт

**Книга 7: Новые Черкашины.
Перетрансформация.
Пастели, теннис-арт, бокс-арт, футбол арт
2017-2022**

О книге:

Книга о том, как пройдя несколько этапов развития своего искусства, поработав с разными историческими этапами развития культуры России и других стран, художники смогли отказаться от найденной и успешной техники и тематики и начать все с самого начала, открыв для себя новые горизонты.

Седьмой том. 28x33 см., 384 стр., 1650 изображений.
Москва 2022.

Планы Издательства «Музей Метрополитен Черкашиных»

**Книга 6: Цифровые работы, видео арт
1999 -**

**Книга 8: Ковидная эпоха
2020 – 2023**

**Книга 9: Искусственный интеллект и наша жизнь
2023 -.....**

**Книга 10: Воспоминания и размышления
Об искусстве**

Книга 11: Трёхтемник. Эволюция хаоса. Апокалипсис

Книга 12: Случайности не случайны.

Книга 13: Портреты и встречи.

**Книга 14: Документация, Архив.
Письма, договора, документы, переписки,
Артефакты, фотодокументы....
1930 -.....**

Книга 15: Потом. Ну ты же понимаешь ...